

Марина- русалка

*(Записано со слов симбирской мещанки
Екатерины Григорьевны Извощиковой).*

Лет сто тому назад в Симбирске жил под горой у Спаса Иван Курчавый с отцом и с матерью. Церковь Спаса старинная была и вся расписана по стенам разными житиями. На одном образе была написана царица-красавица: румяная да такая полная, и едет она на лебедях - одной рукой правит, в другой ключи держит. Иван Курчавый часто говаривал в хороводе:

- Мне невесту нужно эдаку, как писана царица в лебедях.

А он был красавец, писанный глазок. Голова была вся курчава, а эти волосы как кольца золотья вились. Белый, румяный, полный, кровь с молоком - одно слово - молодец! А уж бандурист был какой - заслушаешься! Плясовую заиграет - не удержишься!..

Недалеко от Курчавого жила молодая вдова Марина. Год, почитай, она жила с мужем и, поговаривали, извела его. Суровая была, а красивая: сдобная, чернобровая, черноглазая, лице, что твой фарфор, а румянец во всю щеку так и играл, и играл; и взгляд был пронзительный. Она в хоровод не ходила, а редко, в праздник после обеда выдет за ворота, сядет на завалинку, да издали на хоровод и любуется, да все смотрит и смотрит на Ивана Курчавого и теперича, если заметит, что котора девушка ему приглянется, так вся и покраснеет, до ушей разгорится, а уж глазами так на него взмахнет - кажись, готова съесть. Такой-то у ней был взгляд: насквозь человека пронзит. Иван Курчавый, бывало, даже побледнеет. Диковинное дело, какие глаза бывают! От иного глазу захворать да же можно. У меня бабушка хорошо от глазу лечила: почерпнет с молитвой ковшечек чистой воды, положит туда из горнушки холодных углей, прочтает три раза "Богородицу", да нечаянно и sprыснет водой, чтобы у тебя от испугу мурашки по телу забегали - ну, и легче от этого. И глаз глазу рознь

бывает: от синаго глаза - холодные угли, как горячие шипят. У нас была золовка Овдотья, так та теленка сглазила: на другой же день околел. И глазищи у ней были серы, схижны этаки. Ну, вот видишь ли ты, должно быть, Марина этого Ивана Курчаваёго любила и ревновала ко всякой девке и бабе, и, поговаривали, что он к ней, Марине, по ночам похаживает и с ней любитя. Это отцу с матерью стало известно, и задумали они сына женить, и нашли они ему невесту хорошаго роду и племени и богатых родителей - девицу красивую, степенную. Только что узнала Марина и начала колдовать, и чего только не делала, по розказам, так индо ушеньки вянут. Вынимала она у невесты и следы, и на кладбище его хоронила, и на соль-то наговаривала с причитанием:

- Болі у раба Божия Ивана сердце обо мне так жарко от печали, как соль эта будет гореть в печи.

Раскалит печку до красна и туда наотмашь и бросит гореть этой соли, а то, слышь, снимет с себя пошну рубашку, обмакнет в пиво или в вино, выжмет, да помоями-то этими и напоит его. Это все не действовало. Она взяла да из восковой свечи выпула свечильню, отрезала ленту коленкору и написала на коленкоре:

- Гори сердце у раба Божия Ивана обо мне, как эта свеча горит перед тобою, Пресвятая Богородица!

Да свечку-то у Спаса запрестольной Божьей Матери и поставила. Так эдаким родом она Ивана Курчаваго к себе приворожила, что стал он Марину во сне видеть и только ей грезить. Ну, родителям не хотелось ее себе в невестки брать; боялись Марины, али хотели взять за него девицу. Верно, что девицу, потому ее всякий муж по своему карахтеру может переделать, а вдову не перевернешь, все равно, что упряму лошадь. А у Марины знали, что у ней карахтер крутой был, и она старше годами была Ивана Курчаваго и что-что красавица, все-таки вдова, а не девка. Поди ты, что эта Марина с Иваном наделала! Беды! На другой день рукобитья приехал он домой от невесты, отпрег лошадь, поставил в конюшню и вошел к себе в избу. Отец с матерью посмотрели на своего Ивана и диву дались: бледный, помучен весь, а глазами так страшно ворочает, словно что потерял да ищет. Спросили его:

- Что с тобой, Ванюша?

А он как бросится с хохотом из избы в сени за дверь и давай руками-то все шарить. Отец с матерью перепугались, видят: дело худо, их Иван сбесился, а он с конюшни бросился на сеновал. Они там его и заперли, вскричали соседей, чтоб им помогли его связать, кабы он чего с собой и с ними не поделал. Тут

пришли человек пять соседних извощиков и ломовых, и выездных, кое-как стащили с сеновала за руки и за ноги, а он бьется, брыкается, удержать не могут и пять человек. Вот так силища была! Несмотря, что извощики парни дюжи - молодец к молодцу, кажись, по сажени в плечах будет, а он их так на себе и носит... Случился тут у Курчавых чувашенин (с хлебом к ним приехал), подошел к извощикам да и говорит:

- Надевай, ребя, на него хомут вон с моей-то потной лошади.

Те рты разинули, молчат.

- Надевай! Знай надевай! Небось не тронет! Хозяин-отец! Ищи бабу брюхату, вели ей Ваньку держать за хомут! Смирней будет, все пройдет! Над ним горазда баба шутила, ишь шайтана в него садила!

И случись тут моя матушка, царство ей небесно, из-за калитки смотрела, как Иван Курчавый бесится (а она, слышь, мной беременна была), давай ее уррашивать, чтоб она подержала. Ну, бабушка и соседки уговорили ее, чтобы она помогла спасти душу христианскую. Обрядили Ивана Курчаваго в хомут с шлеей, как лошадь; мать стала держать - не шелохнулся даже; появилась у рта пена, отерли. Стал засыпать и захрапел, а чувашенин все-то бормотал и заклинал шайтана. Оставили Ивана в хомуте до утра, и спал он до полудня. Проснулся как угорелый и спрашивает:

- Где я?

Сняли с него хомут, вошел он в избу, перекрестился, сел за стол, попросил квасу, напился. Его стали расспрашивать, что с ним случилось, он все и рассказал.

- Еду, - говорит, - от невесты, на Завьяловой горе меня встретила Марина и говорит: Ванюша, домой, что ли, едешь? Домой, - говорю. Довези меня, голубчик. Садись, довезу. Кое о чем с ней поговорили насчет себя, и я ее привез к себе домой, да за дверь в конюшню и спрягал, чтобы не видал никто. А потом стал Марину искать, и так и сяк - нет, не могу найти. Дальше что со мной было, и не помню.

Ивану Курчавому полегчало, зато Марина заболела. Ударит, говорили, ее чертова немочь, и лежит Марина без языка, вся бледная и простоволосая, а груди на себе руками так и теребит, рубашку в лоскутки изорвет... Билась, билась, да в день свадьбы Ивана Курчаваго в Волгу и бросилась. Как сумасшедшая выбежала на берег нагишом, косы распущены - и поплыла на середину, да там на дно и опустилась. Искали и неводом, и снастями - не могли найти. После слухи пошли, что Марина оборотилась русалкой, да по вечерам и выходит на берег. Сядет на огрудок или на конец плота и все моет голову, да расчесывает свои

косы, а сама смотрит в избу, где живет Иван Курчавый с молодой женой. Потом вдруг застонет да заохает жалобно-прежалобно и бросится в воду со всего маху. Многие ее видели, даже слышали, как она горько плачет и поет заунывно тихо - индо сердце берет...

Стали про Марину-русалку поговаривать в городе. Рыбаки поговаривают, будто видели Марину-русалку на песках против Симбирска. Плывет, кажется, лебедь тихо, выйдет на песок, взмахнет да ударит крыльями и превратится в красавицу бабу и развалится на песке, как мертвая. Вечерком многих пугала.

А Ивану Курчавому что-то не жилось с молодой женой, хоть и красавица была, да, видно, душе не мила. Начал все тосковать и повадился в полночь один-одинешенек на бударке ездить к омуту с гуслиями, да играть разны песенки. Сам то заплачет, то засвищет, то, как лешой, захохочет, то затянет заунывную песню, да таким зычным голосом, что она по всей Волге так и разольется:

Иссушила меня молодца
Зла тоска жестокая!
Сокрушила меня молодца
Моя милая, сердешная,
Моя милая, что задушевная!
Ты возьми, возьми, моя милая,
Меня в Волгу-матушку глубокую,
Обойми меня рукою белою,
Прижми к груди ты близехонько,
Поцелуй меня милехонько...

Ну, слышь, Марина-русалка вынырнет из воды, бросится в лодку к Ивану Курчавому и давай с ним миловаться да обнимать и хохотать, да так страшно!

Ездил, ездил Иван Курчавый в полночь на омут, да так и след его простыл: ни его, ни бандуры не нашли, только весла да лодка у берега. Осталась его молодая жена, стала по мужу плакать да тосковать, и раз, слышь, он ночью к ней приходил и сказал:

- Не тужи обо мне, женушка. Мне с Мариной жить на дне Волги-матушки весело: меня полюбил Водяной Волнок, угощает меня разными яствами и питиями, и живет он во дворце изумрудном и все просит ему играть на бандуре. Заиграю - он распляшется со всеми женами русалками, а как перестану - остановится. Обещал наградить меня на этом свете: отпустить вместе с Мариною - моей полюбовницей. Никому только ты об этом ни-ни, не сказывай!

После этого видения вдова Ивана Курчаваго вдруг сделалась при смерти больна, да родным и розказала, что она своего мужа ночью видала. Как розказала, у ней язык отнялся и тут же дух вои.

(Садовников Д.Н., Сказки и предания Самарского края., Записки Императорского Русского географического общества (РГО) по отд. этнографии, т. XII, СПб, 1884 г.)

